

М.А. Рожкова

**О последствиях включения третейской оговорки
в договор присоединения**

Государственное унитарное предприятие Ставропольского края "Ставрополькрайводоканал" (далее - ГУП) обратилось в Минераловодский городской суд Ставропольского края с заявлением об отмене решения Арбитражного суда на Кавказских Минеральных Водах при Юридическом центре на Кавказских Минеральных Водах "Арбитр" от 27 октября 2010 г.

Как было установлено судом, 15 января 2010 г. между С. и ГУП был заключен договор на оказание услуг водоснабжения и водоотведения. Одним из пунктов данного договора предусматривалось, что все споры и разногласия по договору, в том числе вытекающие из ранее оказанных услуг, подлежат рассмотрению в постоянно действующем третейском суде - Арбитражном суде на Кавказских Минеральных Водах при Юридическом центре на Кавказских Минеральных Водах "Арбитр" (далее - третейский суд) в соответствии с положением и регламентом этого суда.

28 сентября 2010 г. С. обратилась в третейский суд с иском о признании ненадлежащим качества оказанных ГУП услуг по водоснабжению и водоотведению, возложении на ГУП обязанности произвести перерасчет стоимости услуг за период с 15 января по 30 сентября 2010 г., компенсацию морального вреда, возмещение судебных расходов. Решением от 27 октября 2010 г. третейский суд удовлетворил исковые требования С. в полном объеме.

Определением Минераловодского городского суда Ставропольского края от 17 февраля 2011 г. в удовлетворении заявления ГУП об отмене названного решения третейского суда было отказано ввиду отсутствия оснований, перечисленных в ст. 421 "Основания для отмены решения третейского суда" ГПК РФ.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 16 июня 2011 г. определение суда первой инстанции было отменено, по делу принято новое решение об отмене решения третейского суда от 27 октября 2010 г.

Отменяя определение суда первой инстанции, кассационная инстанция исходила из того, что спор, рассмотренный третейским судом, не мог быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом, вследствие чего решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права. Делая такое заключение, суд кассационной инстанции исходил из того, что защита прав потребителей осуществляется судами общей юрисдикции, а потому третейская оговорка, включенная в договор с потребителем С., лишает ее права на правосудие, что недопустимо в силу ст. 47 Конституции РФ. Кроме того, суд кассационной инстанции указал на то, что договор, заключенный 15 января 2010 г. между С. и ГУП, - это публичный договор, правила которого регулируются императивными нормами, но дела, возникающие из административно-правовых и иных публичных отношений, не могут передаваться на рассмотрение третейских судов.

Помимо сказанного суд кассационной инстанции подчеркнул, что в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 102-ФЗ "О третейских судах в Российской Федерации"¹ (далее - Закон о третейских судах) при несоблюдении требований, предъявляемых к форме и содержанию третейского соглашения, оно признается

---

¹ СЗ РФ. 2002. N 30. Ст. 3019.

незаключенным, не влечет юридических последствий. Суд также указал на то, что содержание договора, заключенного 15 января 2010 г. между С. и ГУП, позволяет отнести его к договору присоединения: С. присоединилась к договору, сформулированному ГУП, без каких-либо оговорок.

С. обжаловала определение суда кассационной инстанции в надзорном порядке.

Определением Верховного Суда РФ² от 10 января 2012 г. N 19-В11-24 доводы, изложенные в надзорной жалобе, были признаны обоснованными: определение суда кассационной инстанции было отменено, а дело направлено на рассмотрение по существу в суд кассационной инстанции.

В своем Определении Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что в силу ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Причем по смыслу п. 1 ст. 11 ГК РФ и п. 2 ст. 1 Закона о третейских судах на рассмотрение третейского суда может быть передан любой спор, возникающий из гражданских правоотношений, за исключением тех, запрет на передачу которых третейскому суду напрямую установлен федеральным законом.

Верховный Суд РФ указал, что норма п. 1 ст. 17 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 "О защите прав потребителей"³ (далее - Закон о защите прав потребителей) вводит дополнительные механизмы правовой защиты потребителей и не содержит запрета на использование иных способов разрешения гражданско-правовых споров, в частности, путем обращения потребителей в третейский суд. Заключая соглашение о передаче спора на рассмотрение третейского суда, стороны тем самым добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда. В таких случаях право на судебную защиту, которая - по смыслу ст. 46 Конституции РФ - должна быть полной, эффективной и своевременной, обеспечивается возможностью обращения в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности, путем подачи заявления об отмене решения третейского суда.

Вследствие сказанного Верховный Суд РФ признал не основанными на законе выводы суда кассационной инстанции о том, что спор, возникающий в связи с правоотношениями, регулируемым законодательством о защите прав потребителей, не может быть предметом третейского разбирательства, а решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права.

Также ошибочным признан вывод суда кассационной инстанции о том, что договор на оказание услуг водоснабжения и водоотведения, заключенный между С. и ГУП, имеет административно-правовую (публичную) природу. То обстоятельство, что этот договор является публичным договором (ГУП по характеру своей деятельности должно оказывать услуги каждому, кто к нему обратится), не свидетельствует о возникновении между сторонами административно-правовых (публичных) отношений - правоотношения, возникшие между сторонами, основаны на сделке и носят гражданско-правовой характер.

Далее Верховный Суд РФ указал, что согласно п. 3 ст. 5 Закона о третейских судах третейское соглашение о разрешении спора по договору, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (договор присоединения), **действительно, если такое соглашение заключено после возникновения оснований для предъявления иска** и если иное не предусмотрено федеральным законом.

Указанные положения, подчеркнул Верховный Суд РФ, направлены на защиту прав присоединившейся к договору стороны, лишенной в момент заключения договора

---

² Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2012 г. N 19-В11-24 по материалам гражданского дела N 2-135/11.

³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 15. Ст. 766.

возможности влиять на его содержание. В связи с этим для признания действительным третейского соглашения (третейской оговорки), содержащегося в договоре присоединения, необходимо установление волеизъявления присоединившейся к договору стороны на рассмотрение дела конкретным третейским судом после возникновения оснований для предъявления иска.

Разбирательство дела в третейском суде инициировано С., которая, признавая действительность условия договора о рассмотрении споров третейским судом, заключенного между нею и ГУП, настаивала на защите своих прав именно в третейском суде. При этом материалами дела подтверждается, что представитель ГУП участвовал в третейском разбирательстве, но не заявлял возражений относительно компетенции третейского суда на рассмотрение данного спора. Между тем данные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, не получили оценки суда кассационной инстанции.

Помимо изложенного Верховный Суд РФ отметил неверность вывода суда кассационной инстанции о незаключенности третейского соглашения. В соответствии с п. 1 и 2 ст. 7 Закона о третейских судах (в редакции, действовавшей на момент рассмотрения спора) третейское соглашение могло быть признано незаключенным при несоблюдении требования о письменной форме. Однако в настоящем деле третейское соглашение (третейская оговорка) включено в основной договор между С. и ГУП (договор на оказание услуг водоснабжения и водоотведения от 15 января 2010 г.), вследствие чего ссылка кассационной инстанции на ст. 7 Закона о третейских судах признана ошибочной.

При таких обстоятельствах, резюмировал Верховный Суд РФ, допущенные судом кассационной инстанции нарушения норм права являются существенными, они повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов С., в связи с чем определение подлежит отмене, а дело - направлению на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции.

В целом поддерживая позицию, сформулированную в Определении Верховного Суда РФ от 10 января 2012 г. N 19-В11-24, необходимо более подробно рассмотреть несколько аспектов настоящего дела.

1. Прежде всего необходимо уделить внимание проблеме понимания третейской оговорки как ограничивающей право на правосудие. К сожалению, подобные утверждения до сих пор встречаются в судебных актах.

Часть 1 ст. 118 Конституции РФ предусматривает, что **правосудие**, как форма государственной судебной деятельности, может осуществляться только **государственным** судом. Это положение раскрывается в ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации"⁴ (далее - Закон о судебной системе), согласно которой правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и данным Законом⁵.

В то же время действующее российское законодательство предусматривает альтернативу государственным судебным органам - негосударственные органы, осуществляющие защиту нарушенных прав граждан и юридических лиц. Закон РФ от 7 июля 1993 г. N 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже"⁶ (далее - Закон о

---

⁴ СЗ РФ. 1997. N 1. Ст. 1.

⁵ Следует дополнительно указать на то, что ч. 1 ст. 1 Закона о судебной системе устанавливает следующее положение: "Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия".

⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 32. Ст. 1240.

международном коммерческом арбитраже) и Закон о третейских судах закрепляют возможность образования в Российской Федерации международных коммерческих арбитражей (третейских судов) и "внутренних" третейских судов. Третейские суды в любом случае не являются государственными судами (органами государственной судебной власти), не входят в судебную систему Российской Федерации и, следовательно, не могут осуществлять **государственную** судебную деятельность в форме правосудия. Данная позиция уже находила подтверждение в практике Конституционного Суда РФ⁷.

В то же время из смысла и текста преамбулы и ст. 2 Закона о международном коммерческом арбитраже следует, что международный коммерческий арбитраж представляет собой **орган разрешения споров**, возникающих в сфере международной торговли. Из смысла и текста п. 2 ст. 1 Закона о третейских судах вытекает, что третейский суд **призван разрешать споры**, вытекающие из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом.

Действующим законодательством предусмотрено, что спор может быть передан на рассмотрение третейского суда только на основании арбитражного (третейского) соглашения, причем законом урегулирован порядок назначения и отвода арбитров и третейских судей (ст. ст. 11 - 13 Закона о международном коммерческом арбитраже; ст. ст. 10 - 12 Закона о третейских судах). Кроме того, действующее законодательство предусматривает возможность принудительного исполнения арбитражных (третейских) решений при условии соблюдения третейским судом требований процедуры арбитражного (третейского) разбирательства и фундаментальных прав сторон этого разбирательства (ст. ст. 35 - 36 Закона о международном коммерческом арбитраже; ст. 45 Закона о третейских судах; гл. 30 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее - АПК РФ), разд. IV ГПК РФ).

Сказанное позволяет заключить, что третейские суды действуют как органы, осуществляющие **негосударственную** судебную деятельность, т.е. представляют собой **негосударственные судебные органы** (негосударственные суды).

Такое понимание в полной мере согласуется с практикой Европейского суда по правам человека, который в прецедентном деле "Литгоу и другие против Соединенного Королевства" (*Lithgow and Others v. The United Kingdom*)⁸ отмечал, что под понятием "суд" нельзя понимать только **"суд, входящий в государственную судебную систему"**. Европейский суд подчеркнул, что понятием "суд" охватываются также органы, хотя и не входящие в государственную судебную систему, но независимые от спорящих сторон и исполнительной власти, созданные на основании закона для разрешения определенных вопросов и осуществляющие свои полномочия в соответствии с процедурой, предоставляющей гарантию законности.

Кроме того, Европейская комиссия по правам человека в решении "Акселссон и другие против Швеции" (*Axelsson and Others v. Sweden*)⁹ отметила, что, избирая третейский суд, заявитель тем самым отказывается от права на судебное разбирательство в **государственном** суде, что не противоречит ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰. Таким образом, по сути, было подтверждено,

---

⁷ В Определении от 4 июня 2007 г. N 377-О-О Конституционный Суд РФ указал следующее: "...поскольку третейское разбирательство является одной из альтернативных форм защиты гражданских прав, третейский суд не относится к органам осуществления правосудия (статья 118 Конституции Российской Федерации)".

⁸ Постановление от 8 июля 1986 г. по жалобам N 9006/80, 9262/81, 9263/81, 9265/81, 9266/81, 9313/81, 9405/81.

⁹ Решение о признании жалобы неприемлемой от 13 июля 1990 г. по жалобе N 11960/86.

¹⁰ Европейская комиссия по правам человека в данном деле подчеркнула, что рассмотрение дел в третейских судах преследует легитимную цель освободить государственные суды от чрезмерной нагрузки.

что **право на справедливый суд**, гарантированное ст. 6 Конвенции, будет соблюдено и в том случае, если спор между сторонами рассматривался негосударственным судебным органом.

Изложенной позиции, сформировавшейся в прецедентной практике конвенционных органов, корреспондирует положение Конституции РФ, согласно которому каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Это позволяет заключить, что частные лица, решая задачу защиты принадлежащих им субъективных прав, обладают правом выбора между государственным и негосударственным судом, разбирательство в которых в обоих случаях представляет собой реализацию права на суд при условии соблюдения требований ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что всякий третейский суд (как международный коммерческий арбитраж, так и "внутренний" третейский суд), как элемент правовой системы России, является негосударственным **судебным органом** и порядок рассмотрения им дел есть судебный порядок. Вследствие сказанного обращение частных лиц, в том числе потребителей, в третейский суд не может рассматриваться как ограничение права на правосудие.

2. Из смысла ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, устанавливающей право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, вытекает право участников гражданских правоотношений самим определять, в каких случаях за разрешением возникшего спора они обратятся в государственный суд, а в каких - изберут третейский суд. То есть стороны свободны в определении круга гражданско-правовых споров, которые они (посредством заключения арбитражного (третейского) соглашения) передадут на рассмотрение соответствующего негосударственного судебного органа - третейского суда.

На рассмотрение третейского суда, как известно, **не могут передаваться споры, вытекающие из публично-правовых отношений**. Но поскольку, как совершенно обоснованно указал в настоящем деле Верховный Суд РФ, публичный договор не влечет возникновения публично-правовых отношений, а является гражданско-правовой сделкой, порождающей гражданско-правовые отношения, нет никаких оснований говорить о том, что споры, возникающие из публичного договора, не могут передаваться на рассмотрение третейского суда.

Особенность публичного договора, выделяющая его из прочих гражданско-правовых договоров, состоит прежде всего в том, что его заключение **является обязательным** для коммерческой организации, обязанной продавать товары, выполнять работы или оказывать услуги, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится (розничная торговля, услуги связи, водоснабжение, энергоснабжение, гостиничное обслуживание и т.п.).

Иными словами, режим публичного договора исключает действие принципа свободы договора для такой коммерческой организации: она не вправе отказаться от заключения договора, выбирать контрагента или отдавать предпочтение кому-либо из обратившихся к ней в отношении заключения договора потребителей; в случае уклонения коммерческой организации от заключения публичного договора такой договор может быть заключен по решению суда (п. п. 1, 3 ст. 426 ГК РФ). Кроме того, условия публичного договора должны быть одинаковыми для всех потребителей, за исключением случаев, когда нормативные правовые акты предусматривают льготы для определенных категорий потребителей (п. 2 ст. 426 ГК РФ). Еще одним признаком, выделяющим публичные договоры из прочих гражданско-правовых договоров, является возможность потребителя передать на рассмотрение суда спор по условиям публичного договора даже в отсутствии согласия на

это другой стороны - коммерческой организации¹¹.

Вместе с тем упомянутые особенности публичного договора не переводят его в плоскость публичного права: публичный договор является гражданско-правовым договором, правовое регулирование которого направлено на обеспечение интересов экономически слабой стороны - потребителя.

Говоря о том, что законодатель ограничил возможность передачи спора на рассмотрение третейского суда таким критерием, как гражданско-правовой характер возникшего спора, нельзя забывать о том, что **право сторон передать любой возникший между ними гражданско-правовой спор на рассмотрение третейского суда** допускает его ограничение. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает возможность ограничения прав и свобод человека федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства. То есть государство, например, с целью защиты основ конституционного строя или прав и законных интересов других лиц посредством принятия соответствующего федерального закона может изъять из компетенции третейских судов определенные категории споров с оставлением их исключительно за государственными судами. Положения ч. 2 ст. 45 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ находят свое отражение в действующем законодательстве: так, ч. 3 ст. 3 ГПК РФ предусмотрена возможность сторон своим соглашением передать любой спор, подведомственный суду общей юрисдикции и вытекающий из гражданских правоотношений, на рассмотрение третейского суда, если иное не установлено федеральным законом.

Важно отметить, что федеральное законодательство может не только предусматривать полное изъятие определенных категорий дел из компетенции третейских судов (например, дела о банкротстве), но и **вводить некоторые иные ограничения в отношении передачи отдельных категорий дел на рассмотрение третейских судов**.

В развитие сказанного в рамках настоящего комментария должна быть проанализирована норма п. 3 ст. 5 Закона о третейских судах, предусматривающая следующее: третейское соглашение о разрешении спора по договору, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (договор присоединения), действительно, если такое соглашение **заключено после возникновения оснований для предъявления иска** и если иное не предусмотрено федеральным законом¹².

Данное правило обусловлено тем, что потребитель, являющийся экономически более слабой стороной в отношениях с профессионалом¹³, нуждается в обеспечении дополнительных условий для эффективной защиты своих прав и интересов. Такая направленность правового регулирования становится особенно актуальной в случае, когда потребитель при заключении договора лишается возможности повлиять на его условия. Заключая договор присоединения, потребитель попадает как раз в такую ситуацию - само название договора присоединения отражает его сущность, которая состоит в том, что к **разработанному одной стороной договору-формуляру вторая**

---

¹¹ Как известно, по правилам ст. 446 ГК РФ разногласия по условиям договора могут быть переданы на рассмотрение суда либо при наличии соглашения об этом договаривающихся сторон, либо при уклонении от заключения договора стороны, для которой заключение такого договора обязательно (п. 4 ст. 445 ГК РФ).

¹² Следует отметить, что законодательство многих зарубежных стран не допускает заключения третейского соглашения между предпринимателем и потребителем до момента возникновения спора.

¹³ Под профессионалом здесь понимается всякое физическое или юридическое лицо, действующее для достижения своих профессиональных целей.

сторона просто присоединяется¹⁴, не имея возможности согласовать иные условия, нежели изложенные в этом формуляре, или отказаться от навязываемых ей обременительных условий¹⁵.

Прямое предписание Закона о третейских судах о **недействительности третейской оговорки, заключенной на условиях договора присоединения до момента возникновения спора**, бесспорно, направлено на защиту экономически более слабой стороны - потребителя, не позволяя экономически сильной стороне (профессионалу) навязать потребителю "удобный" для себя третейский суд.

Вместе с тем с учетом цели данной нормы (предоставить потребителю дополнительный механизм защиты прав) разумно полагать, что **ссылки на недействительность третейской оговорки могут иметь место только в том случае, когда истцом является экономически сильная сторона**. В ситуации, когда с иском в компетентный третейский суд обращается потребитель (как сторона, в интересах которой установлено правило о недействительности третейской оговорки, включенной в договор присоединения), **сильная сторона, которая и навязала эту третейскую оговорку потребителю, не вправе ссылаться на ее недействительность**¹⁶. Именно такое толкование названного п. 3 ст. 5 Закона о третейских судах и позволит защитить интересы неосведомленной и заведомо более слабой стороны - гражданина-потребителя.

Все вышеизложенное позволяет поддержать позицию, сформулированную в Определении Верховного Суда РФ от 10 января 2012 г. N 19-В11-24.

В завершение настоящего комментария необходимо кратко коснуться еще одного интересного вопроса - возможности заключения третейского соглашения посредством предъявления в третейский суд искового заявления, в котором одна сторона утверждает о наличии третейского соглашения, и представления другой стороной отзыва на иск, в котором наличие такого соглашения не оспаривается.

С позиций Закона о третейских судах такую форму заключения третейского соглашения нельзя исключать: по смыслу п. 1 ст. 7 в данном случае имеет место обмен письменными документами, подписанными сторонами, в которых отражено волеизъявление сторон, направленное на передачу спора в данный третейский суд. Этот вывод поддержал в свое время и Президиум Верховного Суда РФ, указав: "...соглашение о передаче спора в арбитраж (третейский суд) может быть заключено различными способами. Одним из таких способов является обмен исковыми заявлениями и отзывами на иск, в которых одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает"¹⁷. Этот подход мог быть использован и в настоящем деле при условии, что ответчик (ГУП) представил письменный отзыв, в котором не заявлял возражений против рассмотрения дела третейским судом.

---

¹⁴ Характеризуя договор присоединения, М.И. Брагинский подчеркивал, что еще более точным был бы термин "продиктованный договор", поскольку его основной признак выражается формулой: "либо соглашаешься со всем, что я предлагаю, либо договора не будет" (Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1998. С. 208).

¹⁵ Следует отметить, что на случаи навязывания гражданину-потребителю обременительных условий, которые он не принял бы при наличии возможности участвовать в определении условий договора, действующее законодательство предоставляет ему две возможности по защите прав: во-первых, он может требовать признания такого соглашения недействительным (п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей), во-вторых, он может требовать расторжения или изменения договора (п. 2 ст. 428 ГК РФ).

¹⁶ См.: Комментарий к Федеральному закону "О третейских судах в Российской Федерации" / Отв. ред. А.Л. Маковский, Е.А. Суханов. М., 2003. С. 31 (автор - А.А. Костин).

¹⁷ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 ноября 1999 г. N 165пв99 // СПС "КонсультантПлюс".